

СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ

УДК 351.85 (477)

А.А. Азаркова

Макеевский экономико-гуманитарный институт, Украина

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассматриваются некоторые аспекты развлекательной культуры как сложного полифункционального феномена; социально-исторические механизмы преобразований в этой развлекательно-досуговой сфере, причины ее интенсификации в так называемые «переходные эпохи», особенности трансформаций в идеологии «культурных революций».

Ключевые слова: развлечение, социокультурные функции развлечения, массовая культура, развлекательные формы, традиционная народная культура, городская культура.

Феномен развлечения, этого «своенравного, порочного и непослушного дитя культуры», как одной из граней социального бытия чрезвычайно актуален и востребован в настоящий момент, находясь в фокусе самых разносторонних научных исследований [2-12]. Это тем более показательно после длительного периода его игнорирования как значимого культурного явления (особенно в советской гуманитаристике). В последнем случае развлекательная функция культуры неизменно оказывалась в числе наиболее критикуемых, растворяясь в идеологически ангажированной проблематике «буржуазной индустрии массовой культуры». Развлечение рассматривалось как воплощение глубокой периферии культуры, изнанки жизни, где градус «духовно-творческого» стремительно приближается к нулю.

На настоящий момент уже отчетливо оформились разные научно-исследовательские аспекты развлечения: психоаналитические (развлечение как проявление мифокультурных архетипов), художественно-эстетические (многообразие художественно-развлекательных форм), социокультурные, медийно-информационные и пр. «Город и развлечение», «государство (власть) и развлечения», «этнос и развлечения», «социум и развлекательные модели»... – таковы немногие актуальные грани современного изучения феномена развлечения. При этом последний находится в близком смысловом ряду с концептами игры, досуга, праздника, зрелища и других форм культуры.

Целью данной работы является рассмотрение специфики и роли развлекательной (художественно-развлекательной) сферы в системе культуры, ее взаимосвязь и взаимообусловленность историческим типом культуры, своеобразие ее «революционных» интерпретаций.

Развлечение, как и упомянутые выше семантически близкие культурные явления, не поддается схематически упрощенной, искусственной поляризации на высокое и низкое, креативное и рекреативное, духовное и материальное, плотское. По словам российского исследователя Е.В. Дукова, группировка культурных феноменов «по сортности», особенно в нынешней постмодернистской реальности, теряет свой смысл. «Характер и направленность развития современной цивилизации обнаруживают тенденцию к стиранию граней между элитарным и обыденным вкусами, интеллектом и эмоциями, реальностью и фантазией. XX век... не только поставил развлечение в один ряд с другими формами «языковых игр», но и позволил увидеть в развлекательной культуре средоточие основополагающих для них принципов» [1, с. 36].

Хотя «Толковый словарь» и трактует традиционно слово «развлекательный» как «лишенный глубокого содержания» [13, с. 524], массовость, как и развлекательность в культуре, – не обязательно означают ее низкий уровень. Кроме того, массовая и развлекательная культуры – вовсе не синонимы, хотя и достаточно близкие явления.

Сферу развлечений нельзя игнорировать и недооценивать. Развлечение – не просто отдельная (прикладная) культурная сфера бытия, находящаяся где-то за скобками «подлинной культуры». Она важной частью достраивает и определяет общее поле культуры, модифицируясь в пространстве и времени вместе с ним. Понятно, что развлечение отражает, прежде всего, низовой план бытия, будучи связанным с непосредственной бытовой жизненной практикой.

Развлечение всегда было важной сферой «второй природы человека», по-своему проявляясь как в разных исторических типах культуры (античном, средневековом и пр.), так и в ее сосуществующих регистрах: народной и профессиональной, высокой и массовой, официальной (государственной) и неофициальной, городской и сельской и пр. «Развлекательные» интонации неожиданно и легко могут проявиться и в поэтике любого из них. Полюса *серьезного и несерьезного* в культурном пространстве часто размыты и условны. «Между развлечением и другими, утилитарными видами деятельности зачастую нет непроходимой границы. Они нередко переплетаются друг с другом» [2, с. 22].

Культура любой эпохи всегда обладает относительной целостностью и упорядоченностью, являя собой сложное «единство коллизий». Многоуровневость вообще присуща любому регистру культуры, в том числе и развлекательному. Его разные модусы отражали сложность и многомерность культурного пространства, а своеобразные развлекательные этнические модели всегда выступали важной ментальной гранью культурной идентичности. Мир развлечений – естественное порождение *данной народной культуры*, особенностей данного культурно-географического мироустройства, социальной организации, хозяйственно-бытового уклада, самого типа культурной динамики. И только общие, глобалистские технократические тенденции XX века существенным образом упрощают, унифицируют, а значит, обедняют эту сферу культуры.

«Ген развлечения» своеобразно реагирует на развитие и трансформацию духовного бытия, изменение системы культурных ценностей. Характер развлекательной культуры – прямое порождение данной общекультурной ситуации, и изменение развлекательного регистра указывает на трансформацию культуры в целом.

Каждый исторический тип культуры, равно, как и характер официальной, «государственной» культуры, определяют свой уровень (формы) развлекательности и свою меру (предел) нормативности в этой сфере. На разных этапах и в разных системах были попытки «контроля над развлечениями» со стороны светской и церковной власти в виде запретов и ограничений, никогда в полной мере не реализуемых. Как социальный механизм «выпускания пара» развлечение давно апробировано в культурно-исторической практике.

Понятно, что каждому возрасту традиционно присущ свой круг развлечений (каждый развлекается на свой лад): и «счастливой ограниченности юношества» и изрядно остывшей от «житейских бурь и страстей» старости, оставаясь при этом важнейшей характеристикой личностной культуры человека («скажи мне, как ты развлекаешься, и я скажу, кто ты»). Свои развлекательные модели исторически были присущи разным социальным общностям.

Развлечение предстает одной из граней культурного бытия человека («раз-влечение», «у-влечение», «во-влечение») как проявление инстинктивной дионисийской потребности человеческого сознания быть «влекомым» к бесконечно разным сторонам духовного пространства. В «стихии развлечения» особо прослеживается связь с древнейшими архетипическими мифоструктурами, когда посредством ранних форм культуры осуществ-

влялось исходное очеловечивание и интерпретация мира. В преемственности развлекательных форм можно увидеть проявление устойчивых во времени общечеловеческих культурных универсалий, корнящихся в глубинах коллективного-бессознательного культуры как «второй природы» человека. Развлечение выступает синкретическим единством природного (физического) и социального начал. В его рамках действуют свои «защитные силы культуры», в результате чего создается ощущение естественности, привычности и комфорта.

Развлечение часто связывают с внутренней раскрепощенностью человека. Кажущаяся бесцельной и бессмысленной, стихия развлечения рождает ощущение (иллюзию) внутренней свободы, а потому порождаются и свои этические коллизии «свободы для...» или «свободы от...». Будучи «относительно, а то и абсолютно бескорыстно», развлечение дает индивиду «отчасти иллюзорное, отчасти реальное ощущение личной свободы и независимости от внешних сил» [2, с. 22].

В его мире по определению нет меры, рассудочности и благоразумия. Амбивалентность (пограничность) развлечения как аттрактивного состояния души нередко чревата «опрокидыванием» в полярную плоскость бытия. Абсолютный отказ сфере развлечений в творчестве (и напротив, банальная констатация «пассивно-потребительского» времяпрепровождения) представляется не совсем справедливым. Казалось бы, развлечение – это лишь элементарная противоположность творчества (как высшего созидательного духовного состояния души). Однако оно тоже предполагает в той или иной мере значительный выброс внутренней энергии, эмоционально-чувственное возбуждение.

Не секрет, что развлечение всегда сопряжено с удовольствием (наслаждением). В этике, как известно, удовольствие интерпретируется как «результат удовлетворения потребности», что «сопровождает уменьшение и угасание внутреннего напряжения (физического и психического), способствуя восстановлению жизненных функций организма» [14, с. 312]. Ориентация же на удовольствие «противоположна обыденному поведению, основанному на благоразумии и стяжании пользы» [14, с. 315]. Развлечение и наслаждение оказываются столь же неразделимыми, как и познание и наслаждение.

Игровое начало, как справедливо отмечают исследователи «в развлечениях выходит на первый план, что является психологическим источником особой радости, удовольствия, наслаждения» [14]. В стихии развлечений, выводящей за пределы рутинных, обыденных проблем бытия как бы «пересобирается» сознание человека как заложенное «второй природой» средство духовного самоочищения. Развлечение в пространстве культуры всегда выступает как необходимое противодействие всяким «окончательным ответам» на главные вопросы бытия. Мир, где «все исчисляется и контролируется», обречен по-своему преломляться в «безумстве» развлечений. Здесь особо значим не раз отмечаемый исследователями механизм психологической аттракции, позволяющей индивиду каждый раз отрефлексировать свое «Я» через острую эмоциональную реакцию («автокommunikацию»), ситуацию игры с уже привычным, стереотипным.

На разных этапах и в разном культурно-историческом контексте актуализируются разные социокультурные функции развлечения: компенсаторная, адаптивная, суггестивная, социализирующая и пр. Как неотъемлемая грань культуры, развлекательная сфера по-своему проявляет конфликты поколений, которые находят свое отражение не только в мировоззренческой борьбе идеологий или образов (стилей) жизни, болезненно воспринимаемых старшими, но и в праве молодежи на инаковость развлечений. Ущербность существующего на определенном временном этапе единого культурного пространства не в последнюю очередь находит свое выражение в нарушении естественного баланса, гармонии между множественными полюсами культуры, в том числе духовно значимым и развлекательным.

В историческом изменении места и содержания развлечения, не случайно, отмечается духовный опыт культуры европейского Просвещения с его безусловной верой в «естественного человека» и «естественное состояние». Абсолютизация разума как «отвлечения от реальности», позиционируемого в роли насильственно-агрессивной силы, направленной на подчинение мира, не могла не вызвать трансформацию развлекательной культурной сферы. Так, рационализм, прагматизм и утилитаризм как главные доминанты европейской культуры Нового времени стимулировали, к примеру, подчас гипертрофированную псевдоэмоциональность сферы развлечений. Сам же развлекательный пласт все более перемещается из культурного в цивилизационный (материально-технический) пласт бытия.

Российские исследователи Е. Громов, Н. Хренов, К. Соколов в своих работах [2], [9-11] отмечали роль и последствия циклических «взрывов массовости» в исторической динамике культуры, сопровождавшихся перестройкой («перезагрузкой») развлекательной сферы. Особенно чреватые интенсификацией и «многоукладностью» развлекательной сферы так называемые «переходные эпохи» (эпохи «канунов и ожиданий», как например российская культура Серебряного века), когда приходят в движение все этажи культуры (ее ценностная иерархия), происходит активный взаимообмен высоких и низовых форм. Так, мистицизм, потребность особого знаково-символического прочтения текущих событий, карнавальность и реархаизация этнокультурных традиций, столь характерные для периодически происходящих времен «концов и начал», активизировали и оживили прежнюю развлекательную сферу в городской отечественной культуре начала XX века. Фермент культурного развлечения не в последнюю очередь оказался способен генерировать новые креативные традиции, адаптирующиеся к условиям бытия разных социальных общностей.

Не секрет, что развлечение в его современном понимании – порождение именно города. «Наблюдения за историей отношений слов “урбанизация” и “развлечение”, – пишет Е. Дуков, – показывают, что при всех коллизиях в семантических полях этих терминов, естественно возникающих на разных временных отрезках развития европейской цивилизации, их взаимная связь остается устойчивой и постоянной» [1, с. 39].

Еще в античной (древнеримской) городской культуре, как справедливо указывают исследователи, едва ли не впервые были уравнены в правах материальные нужды и развлечения (хрестоматийный клич «Хлеба и зрелищ!»), для эффективного управления демосом и защиты от анархии и бунта [2, с. 24].

Именно город как особый пространственно-социальный феномен исторически стимулировал постоянное наращивание и интенсивное обновление развлекательной сферы. Этому способствовала сама специфика жизни горожанина, определяемая характерным пространственно-временным разграничением рабочего и свободного времени, места работы и места отдыха. Городская среда исторически переформатирует свой зрелищно-развлекательный универсум (от традиционных коллективных народных действий: карнавалов и массовых гуляний, маскарадов и ярмарочной балаганной эксцентрики до более поздних цирковых, эстрадных, спортивных и пр. форм), реализуя неизбежную социально-психологическую потребность горожанина в анонимном коллективном эмоциональном контакте и общении («бегство в толпу»). Именно развлечение все более определяет стиль (стилизацию) современной городской жизни. В условиях интенсивной и дробной городской коммуникации, характеризуемой сосуществованием и взаимодействием разных социокультурных контекстов, усиления чувства обособленности индивида и кризиса культурной идентичности, развлечение выступает как своеобразный фактор преодоления отчужденности и форма регуляции социального поведения. Городские развлечения в зрелых формах всегда апеллируют к личностному опыту, предполагая известную свободу выбора.

Традиционная (сельская, крестьянская) народная культура от поколения к поколению воссоздавала и транслировала свое многоэлементное и многофункциональное пространство с развитыми формами, территориально маркированными (села, деревни, поселки), регламентированными детализированной обрядностью, тесно связанными с природно-хозяйственным циклом, психофизиологическими и социокультурными потребностями. В рамках сельской культуры, предельно функциональной, где все носило сакральный смысл, опираясь на мощный фундамент коллективного опыта, фиксировавшегося в традиции, сфера развлечений не была самостоятельна и специфична, будучи вплетена в единую целостность, где мифорелигиозный, земледельческий, ремесленный, фольклорный и другие пласты культуры были в значительной мере взаимообусловлены. Только в условиях города сфера развлечений окончательно обособляется, освобождаясь от природно-социально-хозяйственного синкретизма сельской культуры.

Революционные события с их парадигмами «свободы, равенства, братства» предполагают радикальное, насильственное ниспровержение всей общественно-экономической системы, установление новых идеологических приоритетов и принципиально нового культурного поля. В отличие от буржуазных революций, требовавших, в том числе, безусловного освобождения от жесткого и мелочного контроля над частной жизнью, пролетарская революция изначально предполагает установление диктатуры и в сфере частной жизни, и в области культурных развлечений. Присущая отечественной культуре деспотическая управленческая модель культурной политики, в отличие от либеральной западной, по-своему воссоздается в постреволюционный период.

Как принято, всякая революция раскалывает историю на «до и после», «тогда и теперь», актуализируя мифоидеологему построения «Нового Мира» (отныне полагалось жить, работать и отдыхать по-новому). Коренным образом переосмысливаются роль и сущность частной жизни и быта, и как следствие, развлекательно-досуговой культурной сферы, которая утрачивает в новой системе приватно-индивидуалистический характер и гедонистическую направленность. При этом само слово «развлечение» было почти табуировано, как дискредитированное прежним дореволюционным социальным опытом («старым режимом»). Прежняя индустрия развлечений понималась как результат *их* монотонного существования, «рутинного производства буржуазной действительности».

В советской стране «не развлекаются» в привычном смысле, все торжественно отмечается. Моделируемая «государственная» (официальная) культура стремилась осерьезнить, приручить развлекательную сферу, наделив ее чуждым пафосом и «значительностью». Новая развлекательная культура, как и новое массовое искусство, должны были постоянно заботиться, чтобы не оказаться слишком «мелкими и узкими», по сравнению с величием и размахом эпохи. Сказывался страх власти перед неконтролируемой «анархией» низовых культурных форм: не случайно, в истории культуры периодически осуществлялось, отмечаемое исследователями, стихийное перерастание карнавалов и празднеств в бунты. Все это предопределило как двойственность («искусственная естественность») развлекательной сферы, так и, к примеру, неизбежный стихийный прорыв в ней идеологически чуждой сентиментальной лексики, к примеру, в эстрадной песне.

Прежние развлекательные формы в новых реалиях интерпретируются не иначе, как «буржуазно-мещанские пережитки». Их традиционная ранее сословная приуроченность предполагала сосуществование разных развлекательных традиций (аристократических, купеческих, разночинских, крестьянских и пр.). Теперь же актуализируется стремление создать некую всеобщую, коллективистскую *правильную, подлинную развлекательную среду*, (особую «фабрику оптимизма»), регулируемую не коммерческими интересами, а «прогрессивными» социально-идеологическими нормами. При этом заново отстраиваемая пирамида развлекательных культурных форм также включала как высокий духовный

уровень, связанный с реализацией художественных и научно-познавательных потребностей, так и низовой, сугубо рекреативный, реализуемый по преимуществу в области зрелищно-игровых форм.

Раз-влечение сближается с *во-влечением* трудящихся в разнообразные творчески-любительские культурные объединения (научные, технические, художественные) «вне всякого принуждения», как тоже труд, но свободный, неутилитарный, сопряженный с игрой, творческой состязательностью. В согласии с коммунистическими революционными парадигмами, развлечение – не частный выбор, а массовое времяпрепровождение, единый слаженный социальный организм, сопряженный с общими эмоциями («коллективная душа»), настроениями и целями, где нет места пустой праздности. Идея коллективного жизнотворчества, уходящая основанием в православно-славянскую соборность, таким образом своеобразно интонируется в новой культурной системе.

Парадоксальность новой развлекательной системы – в самом восприятии исторического времени. Так, в представлении субъектов *новой прогрессивной идеологии*, в отличие от буржуазного «массового человека», живущего исключительно сегодняшним днем и «*плоским настоящим*», человеку, выкованному революционной борьбой, должен быть свойствен своеобразный *историзм сознания*, зажатого в координатах: «было-будет», «вчера-завтра». При этом отечественному горожанину всегда было свойственно специфическое «мифофольклорное» воображение в восприятии времени, т.е. «до» и «после» («до войны», «после отпуска» и пр.). Таким образом, все, в том числе и досугово-развлекательная сфера, интерпретировалось как самоподготовка к счастливому будущему.

Западный буржуа со временем все более будет восприниматься типичным продуктом «их цивилизации» с тиражированным досугом («лагерь общественного сна») и развлечением, как в известной антиутопии Р. Бредбери («451° по Фаренгейту»): «подавайте нам увеселения, вечеринки, акробатов, и фокусников, отчаянные трюки, реактивные автомобили, мотоциклы-геликоптеры, порнографию и наркотики. Побольше того, что вызывает простейшие, автоматические рефлекс!» [15, с. 320]

«Новый революционный рабочий» – создатель новой культуры, предполагающей многостороннее развитие личности и в сфере труда, и в сфере развлечений (пафос «культурничества», по терминологии З. Троицкого). Как указывал К. Маркс, в капиталистической системе рабочее и свободное время «всегда резко разделены резкой чертой на два противоположных мира... свободное время и досуг могут увеличиваться, человек может “отдыхать” и “развлекаться” больше, чем вчера, но это не имеет никакого отношения к его общественно-производительным способностям. Здесь предоставлен «самому себе», здесь он должен забыться...» [15, с. 350]. В коммунистической же системе «всестороннее научное, художественное, физическое развитие индивидов само, как величайшая производительная сила, станет воздействовать обратно на материальный труд в промышленности, резко увеличивая его производительность... Неограниченное свободное развитие трудящихся в свободное время станет основным условием формирования универсального человека коммунистического типа» [15, с. 350].

Революционные потрясения встряхивают всю культурную систему, подвергая насильственному, агрессивному вмешательству, однако, как показывает история, развлекательная сфера всегда демонстрирует поразительную сопротивляемость, жизнеспособность и устойчивость, прокладывая новые русла и, в конечном счете, давая определенные стимулы для преобразования всего культурного пространства. Массовое сознание, как пишет Е. Дуков, «очень избирательно, ядро его хорошо защищено и именно поэтому обеспечивает исключительную консервативность человека в формировании и освоении мира, построении социальных систем» [4, с. 12].

Не только революционные события оставляют в назидание потомкам свой драматический культурно-исторический опыт. Современная «эра развлечений» с ее мозаич-

ностью культурного пространства и углубляющимся поверхностным дилетантизмом предполагает постоянное присутствие развлекательного («спецэффектного») привкуса во всех формах культуры. Это означает, что культура все более теряет изначальное само-достаточное содержание развлечения. Активно глобализуемая и технизируемая картина мира и бытия человека лишает и развлекательную культуру прежнего коллективного жизнотворчества и естества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры / Дуков Е.В. – М. : Классика XXI, 2003.
2. Громов Е.С. Власть и развлечения: основные управленческие модели / Е.С. Громов // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. – М. : Индрик, 2002.
3. Дуков Е.В. Развлечение как путь к мультикультурности / Е.В. Дуков // Обсерватория культуры. – 2009. – № 5. – С. 43-47.
4. Дуков Е.В. Власть как муза муз: отечественный опыт / Е.В. Дуков // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. – М. : Индрик, 2002.
5. Ночь. Ритуалы, искусство, развлечения: глубины : [сборник / сост. Е.В. Дуков ; РАН, М-во культуры РФ, Гос. ин-т искусствознания]. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2009.
6. Асоян Ю.А. Понятие и идеологема культурности в Советской России 1920-х гг. / Ю.А. Асоян // Обсерватория культуры. – 2010. – № 1.
7. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога / К. Жигульский. – М., 1985.
8. Литвинова М.В. Культурологическая феноменология массовых праздников и зрелищ / М.В. Литвинова // Вестник МГУ Культуры и искусств. – 2006. – № 3. – Ч. 2.
9. Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. – СПб. : Дм. Буланин, 2006.
10. Урбанизация и развлекательная культура. – М., 1991.
11. Хренов Н.А. Мифология досуга / Хренов Н.А. – М., 1998.
12. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса / Хренов Н.А. – М., 2002.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1987.
14. Гусейнов А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М. : Гардарика, 1998.
15. Тасалов В.И. «Прометей или Орфей». Искусство «технического века» / Тасалов В.И. – М. : Искусство, 1967.
16. Агаркова А.А. Мифологема быта в контексте кризиса культурной идентичности: региональные ракурсы / А.А. Агаркова // Наука. Релігія. Суспільство. – 2011. – № 3.

Г.О. Агаркова

Розважальний модус культури у дзеркалі соціально-історичних перетворень

У статті розглядаються деякі аспекти розважальної культури як складного поліфункціонального феномену: соціально-історичні механізми перетворень в розважально-дозвільній сфері, причини її інтенсифікації у так звані «перехідні епохи», особливості трансформацій в ідеології «культурних революцій».

Ключові слова: розвага, соціокультурні функції розваг, масова культура, розважальні форми, традиційна народна культура, міська культура.

A.A. Agarkova

Entertain Modus of Culture at the Mirror of Social-historical Transformations

The article studies the some aspects of the entertain culture as complicated phenomenon: the social-historical mechanisms at the entertain-leisure sphere; the causes of the intensification during the «transitional epoch»; the peculiarities of transformation at the ideology of «Cultural Revolution».

Статья поступила в редакцию 04. 04.2013.